“ADOLAT”
Guvohnoma № 636478
Litsenziya C-5669732

“HUQUQ va BURCH+” —
«ПРАВО и ДОЛГ+» —
"RIGHT and DUTY+"
Journal home page:
https://adolatmarkazi.uz/magazine/electron?id=377

2026-yil
7-son
iyul
ISSN 3093-8546

Студент как подсудимый в уголовном судопроизводстве республики Узбекистан: анализ приговоров, индивидуализация наказания и пределы судебной гуманизации

Nozimaxon Sobirova,
Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi katta o‘qituvchi
e-mail: nozimakhon.sobirova@gmail.com

Аннотация. Mazkur maqolada 2024–2025-yillarda O‘zbekiston Respublikasi sudlari tomonidan ko‘rib chiqilgan jinoyat ishlari bo‘yicha sud hujjatlari asosida talaba maqomiga ega shaxslarning sudlanuvchi sifatidagi holati tahlil qilinadi. Tadqiqotning asosiy maqsadi sudlar talaba maqomini jinoyatni kvalifikatsiya qilish, jazoni individuallashtirish, jazo turini tanlash, shuningdek O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 57, 70 va 71-moddalarini qo‘llash jarayonida qanday hisobga olishini aniqlashdan iborat. Maqolada sifatli kontent-tahlil, formal-yuridik tahlil, qiyosiy-huquqiy va empirik yondashuvlardan foydalanilgan. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, talaba maqomi mustaqil yengillashtiruvchi holat sifatida baholanmaydi. U faqat aybni tan olish, yetkazilgan zararni qoplash, jabrlanuvchi bilan yarashish, sudlanmaganlik, ijobiy tavsifnomalar va ta’lim jarayoniga real bog‘liqlik bilan birgalikda ahamiyat kasb etadi.

Калит сўзлар. jazoni individuallashtirish, talaba sudlanuvchi, sud insonparvarligi, ozodlikdan mahrum qilish bilan bog‘liq bo‘lmagan jazolar, probatsiya, ta’lim orqali resotsializatsiya, jinoyat sud ish yurituvi

Аннотация. В данной статье на основе судебных документов по уголовным делам, рассмотренным судами Республики Узбекистан в 2024–2025 годах, анализируется положение лиц со статусом студента в качестве подсудимых. Основной целью исследования является определение того, как суды учитывают статус студента в процессе квалификации преступления, индивидуализации наказания, выбора вида наказания, а также применения статей 57, 70 и 71 Уголовного кодекса Республики Узбекистан. В статье использованы качественный контент-анализ, формально-юридический анализ, сравнительно-правовой и эмпирический подходы. Результаты исследования показывают, что статус студента не оценивается как самостоятельно смягчающее обстоятельство. Она имеет значение только в сочетании с признанием вины, возмещением ущерба, примирением с потерпевшим, отсутствием судимости, положительными характеристиками и реальной привязанностью к образовательному

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

процессу.

Ключевые слова. индивидуализация наказания, студент-подсудимый, судебная гуманность, наказания, не связанные с лишением свободы, пробация, ресоциализация через образование, уголовное судопроизводство

Annotation. This article analyzes the status of individuals with student status as defendants based on judicial documents regarding criminal cases reviewed by the courts of the Republic of Uzbekistan in 2024-2025. The main purpose of the study is to determine how courts take into account the status of a student in the process of qualifying a crime, individualizing punishment, selecting the type of punishment, as well as applying Articles 57, 70, and 71 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. The article uses qualitative content analysis, formal-legal analysis, comparative-legal and empirical approaches. The results of the study show that student status is not evaluated as an independent mitigating circumstance. It is significant only in conjunction with a confession of guilt, compensation for damages, reconciliation with the victim, lack of a criminal record, positive character references, and a real connection to the educational process.

Keywords. individualization of punishment, student defendant, judicial humanism, non-custodial sentences, probation, resocialization through education, criminal proceedings

Гуманизация уголовной политики Республики Узбекистан, расширение практики назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также институциональное развитие пробации существенно усилили значение судебной индивидуализации наказания. В современных условиях вопрос о мере уголовно-правового воздействия всё чаще сводится не только к выбору санкции в пределах уголовного закона, но и к оценке личности виновного, его посткриминального поведения, социальных связей и реальной возможности исправления без лишения свободы. Закон Республики Узбекистан «О пробации» от 7 августа 2024 года [1] определяет пробацию как комплекс мер, связанных с исполнением отдельных видов наказаний, социально-правовым и воспитательным воздействием, предупреждением правонарушений и устранением их причин.

В этой системе особое место занимает вопрос о статусе студента как подсудимого. В отличие от абстрактной категории «молодого лица», студент включён в образовательную среду, связан с организацией высшего образования, обладает формализованной учебной траекторией и потенциально располагает повышенным ресурсом ресоциализации. Вместе с тем уголовное право не знает самостоятельного смягчающего обстоятельства в виде «статуса студента». В Уголовном кодексе

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

Республики Узбекистан индивидуализация наказания строится на общих началах его назначения, учёте характера и степени общественной опасности преступления, данных о личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также целей наказания.

Научная проблема заключается в том, что между социальной значимостью образовательной включённости и её уголовно-правовым значением сохраняется методологический разрыв. С одной стороны, обучение может свидетельствовать о социальной интегрированности лица, наличии устойчивых связей и возможности исправления без изоляции от общества. С другой стороны, признание студенческого статуса самостоятельным основанием смягчения наказания создало бы риск необоснованной привилегии, противоречащей принципам равенства, справедливости и соразмерности. В связи с этим ключевой вопрос состоит не в том, должен ли студент получать более мягкое наказание именно как студент, а в том, каким образом суды фактически включают образовательный статус в механизм индивидуализации наказания.

В настоящей статье используются следующие основные понятия. Под «студентом-подсудимым» понимается лицо, в отношении которого судом рассматривается уголовное дело и которое на момент совершения деяния либо на момент судебного разбирательства имело подтверждённую связь с организацией высшего образования. Под «образовательной включённостью» понимается не только формальный факт обучения, но и совокупность признаков, свидетельствующих о реальной учебной связи лица с ВУЗом: курс обучения, наименование образовательной организации, характеристики, успеваемость, возможность продолжения обучения, поведение в образовательной среде. Под «судебной гуманизацией» понимается не освобождение от ответственности по признаку статуса, а выбор судом такой меры уголовно-правового воздействия, которая, оставаясь соразмерной совершенному деянию, не разрушает без необходимости социальные и образовательные связи лица. Также речь будет идти о наказаниях и мерах, не связанных с лишением свободы, включая ограничение свободы, штраф, исправительные работы и иные меры, исполнение которых возможно без изоляции от общества.

Научная полемика по рассматриваемой теме развивается по нескольким направлениям. В узбекской уголовно-правовой доктрине индивидуализация наказания традиционно связывается с общими началами его назначения, личностью виновного и целями наказания. Работы Назарова М.А.[2], Рустамбаева М.Х.[3], Мухитдинова Ф.[4] и других авторов формируют подход, согласно которому гуманизация уголовной политики не исключает требований справедливости и

соразмерности, а реализуется через более точный выбор вида и размера наказания, а также через развитие альтернатив лишению свободы. Статья Дадахановой Д., посвящённая наказаниям, связанным с принудительным трудом, также подтверждает возрастающее значение мер в виде наказаний, не связанных с лишением свободы в системе уголовно-правового реагирования Республики Узбекистан.[5]

Российская доктрина индивидуализации наказания, представленная трудами Кругликова Л.Л.[6], Непомнящей Т.В.[7], Воронина В.Н.[8] и Грачевой Ю.В.[9], концентрируется на пределах судейского усмотрения, критериях индивидуализации и соотношении характера деяния с личностью виновного. Воронин В.Н. [8] рассматривает индивидуализацию наказания как самостоятельный принцип и подчёркивает, что суд обязан учитывать не отдельные признаки личности, а целостную систему критериев: общественную опасность деяния, данные о личности, смягчающие и отягчающие обстоятельства, влияние наказания на исправление осуждённого и условия жизни его семьи.

Японская научная традиция предлагает иной, но методологически значимый ракурс. Д. Фут [10] охарактеризовал японскую модель уголовной юстиции как «благожелательный патернализм», ориентированный на исправление и реинтеграцию через мягкие санкции, индивидуализированные с учётом обстоятельств правонарушителя, но одновременно допускающий значительную степень государственного усмотрения. Д. Джонсон[11], исследуя японскую прокуратуру, показывает сочетание индивидуализации и требования равного обращения с сопоставимыми делами. Для настоящего исследования этот подход важен постольку, поскольку японская модель демонстрирует одновременно потенциал мягкого уголовно-правового воздействия и риск чрезмерной зависимости итогового решения от усмотрения государства.

Европейская дискуссия строится вокруг трёх взаимосвязанных концептов: соразмерности, десистанции и пределов политики применения наказаний, не связанных с лишением свободы. В теории соразмерного наказания Э. фон Хирш и Э. Эшворт исходят из того, что строгость наказания должна соответствовать тяжести деяния, а личные характеристики правонарушителя не могут произвольно вытеснять оценку общественной опасности преступления.[12] В то же время Ф. Макнил [13] и Ш. Маруна [14] развивают десистанс-подход (от англ. desistance — прекращение, отказ от чего-либо), согласно которому прекращение преступной активности связано с сохранением социальных связей, изменением идентичности и реинтеграцией лица в общество. Эмпирическое значение образования в этом контексте подтверждается мета-анализом RAND, показавшим, что участие в образовательных программах в местах лишения свободы

связано со снижением риска рецидива и улучшением перспектив занятости после освобождения.[15]

Вместе с тем европейская литература предупреждает и о риске «расширения сети» уголовного контроля. М. Аеби, Н. Дельгранд и Я. Марге, анализируя европейские данные о лишении свободы и общественных санкциях, показывают, что альтернативные меры не всегда замещают тюремное заключение, а в ряде случаев становятся дополнительным каналом уголовного контроля.[16] Это предостережение имеет принципиальное значение и для анализа студенческого статуса. Гуманизация не должна превращаться ни в необоснованную привилегию, ни в расширение надзорного вмешательства там, где уголовно-правовая реакция должна оставаться минимально достаточной.

Исследовательский вопрос настоящей статьи формулируется следующим образом: каким образом суды Республики Узбекистан учитывают статус студента при квалификации деяния, индивидуализации наказания, применении статей 57, 70 и 71 УК РУз[17], назначении наказаний, не связанных с лишением свободы и оценке возможности исправления лица без изоляции от общества?

Гипотеза исследования состоит в том, что студенческий статус сам по себе не выступает самостоятельным основанием смягчения наказания. Он приобретает юридическое значение лишь в составе более широкой конструкции индивидуализации, включающей признание вины, возмещение ущерба, примирение, отсутствие судимости, положительные характеристики, сохранённую учебную связь и доказанную возможность исправления без изоляции от общества. При этом в делах о сбыте наркотиков, устойчивых имущественно-экономических схемах, многоэпизодных преступлениях, а также при использовании образовательной инфраструктуры в преступных целях смягчающий потенциал учебного статуса существенно снижается.

Методы

Исследование выполнено в формате качественного эмпирико-правового анализа судебных актов. Такой подход выбран с учётом предмета исследования: задача состояла не в статистическом измерении всей судебной практики Республики Узбекистан, а в выявлении того, каким образом суды фактически учитывают образовательный статус лица при квалификации деяния, индивидуализации наказания и выборе мер в виде наказаний, не связанных с лишением свободы.

Методологическую основу исследования составили несколько взаимосвязанных методов. Формально-юридический метод использовался для анализа норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, регулирующих назначение наказания, освобождение от наказания,

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

применение статей 57, 70 и 71 УК, а также исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы. Качественный контент-анализ применялся при изучении текстов приговоров и апелляционных определений. Он позволил выявить, какие обстоятельства суды включают в мотивировку наказания, каким образом описывают личность подсудимого и придают ли значение факту обучения в ВУЗе.

Сравнительный анализ использовался для сопоставления решений первой и апелляционной инстанций, прежде всего, в тех случаях, где апелляционный суд изменял вид наказания, усиливал либо смягчал уголовно-правовые последствия. Системный метод позволил рассмотреть студенческий статус не изолированно, а в связи с институтами индивидуализации наказания, освобождения от наказания, примирения, возмещения ущерба и применения наказаний, не связанных с лишением свободы. Уголовно-исполнительная интерпретация применялась при оценке того, насколько назначенные штраф, исправительные работы или ограничение свободы совместимы с продолжением обучения и сохранением образовательной траектории. Дополнительно использовалось сравнительно-правовое сопоставление с доктринальными подходами Узбекистана, Российской Федерации, Японии и европейской пенологии.

Эмпирическую базу исследования составил доступная база судебных актов Республики Узбекистан за 2024–2025 годы, в которых фигурируют студенты, магистранты либо образовательная среда высшего учебного заведения. Включались только полные тексты судебных актов. Что имело принципиальное значение, поскольку для анализа требовалось установить не только итоговое решение, но и фабулу деяния, процессуальную роль студента, применённые нормы УК и УПК РУз, вид назначенного наказания, основания смягчения либо освобождения от наказания, а также наличие или отсутствие связи между наказанием и возможностью продолжения обучения.

Исследование включает 21 судебный акт: 18 актов первой инстанции и 3 акта апелляционной инстанции. География дел охватывает несколько регионов Республики Узбекистан, включая город Ташкент, Ташкентскую область, Андижанскую, Наманганскую, Самаркандскую, Кашкадарьинскую, Ферганскую и Джизакскую области. Судебные акты представлены на русском и узбекском языках, что потребовало содержательного, а не только формального сопоставления используемых судом формулировок.

Были выделены четыре группы дел. Первая группа включает 8 дел с участием студентов-подсудимых, где образовательный статус имел прямое значение для анализа. Вторая группа охватывает 4 дела с косвенным образовательным контекстом, когда студент выступал

потерпевшим, объектом использования либо когда образовательная среда присутствовала в фабуле дела. Третья группа включает 2 дела с маргинальной образовательной связью, где упоминание образования не влияло существенно на юридическую оценку. Четвёртая группа состоит из 7 дел без образовательной связи; они использовались преимущественно для сопоставления, проверки логики назначения наказания и анализа апелляционной коррекции. Это позволило отделить случаи, где студенческий статус действительно входил в поле судебной оценки, от дел, где образование упоминалось лишь случайно или вовсе отсутствовало.

На втором этапе оценивались юридические исходы по каждому делу. В центре внимания находились лишение свободы, ограничение свободы, штраф, исправительные работы, освобождение от наказания, освобождение от ответственности, прекращение дела в связи с примирением, а также апелляционное изменение приговора. Отдельно анализировалось, использует ли суд факт обучения как самостоятельный аргумент, как часть общей характеристики личности либо вообще не придаёт ему юридического значения.

На третьем этапе полученные результаты сопоставлялись с научными подходами к индивидуализации наказания, десистанции, наказаниям, не связанным с лишением свободы и пределам судебной гуманизации. Это позволило проверить основную гипотезу исследования: студенческий статус сам по себе не является самостоятельным основанием смягчения наказания, но может приобретать значение в составе более широкой конструкции индивидуализации, если подтверждается другими обстоятельствами — признанием вины, возмещением ущерба, примирением, отсутствием судимости, положительными характеристиками и реальной возможностью исправления без изоляции от общества.

Необходимо отметить, что результаты статьи следует понимать как эмпирически обоснованные наблюдения по доступной базе судебных актов, а не как исчерпывающее описание всей судебной практики Республики Узбекистан по делам с участием студентов.

Результаты

Анализ доступной базы судебных актов показывает, что студенческий статус в судебной практике Республики Узбекистан не функционирует как самостоятельное основание смягчения наказания. Суды учитывают его в составе общей характеристики личности виновного, однако юридическое значение он приобретает только при наличии дополнительных обстоятельств: признания вины, раскаяния, возмещения ущерба, примирения, отсутствия судимости, положительных характеристик и вывода о возможности исправления лица без изоляции от общества.

В исследованной базе преобладают имущественные и экономические преступления. К ним относятся мошенничество, присвоение и растрата, хищение, незаконный оборот криптоактивов, а также многоэпизодные экономические схемы. Отдельную группу составляют преступления, связанные с наркотическими средствами: хранение без цели сбыта, хранение с целью сбыта и покушение на сбыт. Кроме того, включены дела о преступлениях против личности, преступлениях против безопасности движения, коррупционных деяниях и подлоге документов, в том числе совершённом в целях незаконного получения стипендии.

Дела с участием студентов-подсудимых представлены 8 судебными актами и охватывают примерно одиннадцать обвиняемых-студентов. К числу лиц, являвшихся действующими студентами на момент совершения деяния, относятся фигуранты дел 1-1004-2506/268, 1-1401-2503/330, 1-1004-2502/123, 1-1010-2503/33, 1-1116-2501/43 и 1-1802-2401/234. В делах 1-1601-2506/448 и 1-1501-2401/2748 подсудимые имели статус студентов на момент совершения подлога документов, связанного с получением стипендии.

Отдельно были выделены дела с косвенным образовательным контекстом. В них подсудимыми выступали работники образовательных организаций либо иные лица, а студенты фигурировали как потерпевшие, взяткодатели или объект использования. К данной группе относятся дела 1-1804-2501/70, 1-1008-2502/136, 1-1704-2501/55 и 1-1003-2403/672. Особое значение имеет дело 1-1704-2501/55, связанное с хищением средств стипендиального фонда ВУЗа. В этом случае образовательная инфраструктура выступала не смягчающим контекстом, а объектом злоупотребления.

Применение статьи 57 УК Республики Узбекистан в исследованных судебных актах носит ограниченный характер. Эта норма использовалась как инструмент назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, однако не выступала механизмом освобождения от наказания. Так, в деле 1-1004-2506/268, связанном с покушением студентов на сбыт наркотических средств в крупном размере, применение статьи 57 УК не исключило назначения реального лишения свободы: каждому студенту было назначено 5 лет лишения свободы. В делах 1-1001-2502/208 и 1-1001-2402/691 статья 57 УК также привела к смягчению наказания в пределах выбранного вида уголовно-правового воздействия, но не к освобождению от него.

Статья 70 УК, предусматривающая освобождение от наказания в связи с утратой лицом общественной опасности, применялась по делам преступлений, не представляющих большой общественной опасности и без решающего значения студенческого статуса. Статья 71 УК, связанная с деятельным раскаянием, была применена по делу 1-1010-2503/33 об

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

обоюдных телесных повреждениях. Один из подсудимых по этому делу являлся студентом, однако основанием освобождения выступило именно деятельное раскаяние, а не сам факт обучения.

Наиболее отчётливая закономерность выявлена в делах, связанных с наркотическими средствами. Если деяние было связано со сбытом или покушением на сбыт, образовательный статус не предотвращал назначения реального лишения свободы. В деле 1-1004-2506/268 двое студентов второго курса Ташкентского государственного транспортного университета были осуждены к 5 годам лишения свободы за покушение на сбыт наркотического средства в крупном размере. В деле 1-1116-2501/43 студент третьего курса технического университета был осуждён к 6 годам лишения свободы за хранение наркотика с целью сбыта в крупном размере.

Иная логика прослеживается в деле 1-1004-2502/123. В нём студент пятого курса химико-технологического университета, осуждённый за хранение наркотического средства без цели сбыта для личного потребления, получил наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год 6 месяцев. Существенно, что условия исполнения наказания были сформулированы таким образом, чтобы сохранить возможность продолжения обучения. Это показывает, что образовательный статус может учитываться судом не как самостоятельное основание смягчения, а как параметр настройки наказания, не связанного с лишением свободы.

В делах против личности суды демонстрируют более выраженную готовность к реагированию наказаниям, не связанным с лишением свободы, если студенческий статус сочетается с иными смягчающими обстоятельствами. Так, в деле 1-1401-2503/330 студент — староста группы Самаркандского института экономики и сервиса — причинил преподавателю телесное повреждение средней тяжести в ходе конфликта в учебной аудитории. Суд назначил ему ограничение свободы сроком на 3 года, прямо предусмотрев сохранение времени учёбы или работы. Это дело особенно показательно: образовательная включённость была учтена не как основание освобождения от наказания, а как обстоятельство, влияющее на режим исполнения назначенной меры.

Дела о подлоге документов ради получения стипендии демонстрируют иной тип связи с образовательной средой. В делах 1-1601-2506/448 и 1-1501-2401/2748 подсудимые являлись студентами на момент совершения деяний, связанных с подлогом документов и незаконным получением стипендии. Однако освобождение либо не назначение наказания в этих делах было обусловлено истечением срока давности, а не студенческим статусом. При этом причинённый образовательным учреждениям ущерб был возмещён, что учитывалось в общей оценке последствий совершённого

деяния.

Апелляционные акты показывают, что вышестоящие суды преимущественно корректируют квалификацию, размер или отдельные параметры наказания, но редко меняют исходную логику судебной оценки. В деле 1-1009-2404/815 апелляционная инстанция изменила квалификацию одного из эпизодов, однако итоговое наказание оставила без изменения. В деле 1-1002-2402/987 наказание было снижено. В деле 1-1003-2403/672, связанном с получением взятки от студентов за выставление оценок, апелляционная инстанция оставила приговор без изменения. Эти акты подтверждают, что апелляционный пересмотр в исследованной базе, в основном, направлен на юридическую корректировку приговора, а не на переосмысление значения образовательного контекста.

В целом, результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу. Статус студента не действует автоматически и не образует самостоятельной льготы при назначении наказания. Он приобретает значение только тогда, когда включается в более широкую конструкцию индивидуализации и подтверждается иными обстоятельствами, свидетельствующими о возможности исправления лица без изоляции от общества. Судебная гуманизация проявляется не в создании особого привилегированного режима для студентов, а в выборе и настройке наказания таким образом, чтобы при наличии правовых оснований сохранить образовательную траекторию лица и одновременно обеспечить соразмерную уголовно-правовую реакцию на совершённое деяние.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать пять основных выводов.

Во-первых, статус студента в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан не образует самостоятельного основания для смягчения наказания. Судебная практика показывает, что факт обучения приобретает юридическое значение лишь в рамках общей индивидуализации наказания и только при наличии совокупности дополнительных обстоятельств: признания вины, раскаяния, возмещения ущерба, примирения с потерпевшим, отсутствия судимости, положительных характеристик и обоснованного вывода о возможности исправления лица без изоляции от общества. Следовательно, студенческий статус не заменяет и не вытесняет традиционные критерии назначения наказания, а может лишь дополнять характеристику личности виновного.

Во-вторых, характер и степень общественной опасности совершённого деяния сохраняют приоритет перед образовательным статусом подсудимого. В делах, связанных со сбытом наркотических средств, покушением на сбыт, устойчивыми имущественно-экономическими схемами, а также

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

злоупотреблением образовательной инфраструктурой, суды назначают строгие меры уголовно-правового воздействия, включая реальное лишение свободы, несмотря на наличие у лица статуса студента либо общий образовательный контекст дела. Это подтверждает, что гуманизация уголовной политики не означает отказа от принципов справедливости, соразмерности и неотвратимости ответственности.

В третьих, судебная гуманизация в делах с участием студентов проявляется преимущественно не через автоматическое снижение наказания, а через выбор наказаний, не связанных с лишением свободы и формулирование условий их исполнения, совместимых с продолжением обучения. В делах 1-1401-2503/330 и 1-1004-2502/123 суды фактически учли образовательную включённость подсудимых путём сохранения времени учёбы или работы. Тем самым образовательный статус был использован не как самостоятельная льгота, а как параметр настройки назначенного наказания, позволяющий сохранить социальные и образовательные связи лица при сохранении уголовно-правового воздействия.

В-четвёртых, необходимо разграничивать преступления, непосредственно порождённые образовательной средой, и обычные преступления лиц, имеющих статус студента. Первая группа дел требует профилактических мер внутри системы высшего образования, включая контроль за стипендиальными фондами, прозрачность академических процедур, предупреждение конфликтов в образовательной среде, защиту академической добросовестности и устранение условий для злоупотребления образовательной инфраструктурой. Во второй группе студенческий статус должен оцениваться только как один из элементов личности виновного, наряду с возрастом, социальными связями, поведением после совершения преступления, характеристиками и возможностью исправления без изоляции.

В-пятых, практическая ценность исследования состоит не в обосновании специальной привилегии для студентов, а в формулировании более чётких критериев оценки образовательной включённости при индивидуализации наказания. К таким критериям могут быть отнесены подтверждённый факт обучения, курс и форма обучения, характеристики из образовательной организации, успеваемость, дисциплинарное поведение, возможность продолжения учёбы, влияние наказания на образовательную траекторию, а также наличие реального ресурса ресоциализации. Эти критерии могут быть использованы судами, подразделением пробации и образовательными организациями при выборе меры воздействия, которая соответствует тяжести совершённого деяния и одновременно не разрушает без необходимости социальные связи, способные содействовать исправлению лица.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы судебных актов, формированием регионально сбалансированной выборки, изучением исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы в отношении студентов, а также анализом влияния судимости и назначенного наказания на продолжение обучения, восстановление образовательной траектории и предупреждение повторных преступлений. Отдельного внимания требует вопрос о взаимодействии судов, службы пробации и образовательных организаций при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в отношении лиц, сохраняющих связь с системой высшего образования.

Список использованной литературы:

[1] Закон Республики Узбекистан «О пробации» от 07.08.2024 г. № ЗРУ-938 // Национальная база данных законодательства, 07.08.2024 г., № 03/24/938/0591

(Law of the Republic of Uzbekistan “On Probation” dated 07.08.2024, No. ZRU-938 // National Database of Legislation, 07.08.2024, No. 03/24/938/0591)

[2] Назаров. М.А. *Назначение наказания в уголовном праве Республики Узбекистан*. Адолат (2013).

(Nazarov M.A. Sentencing in the Criminal Law of the Republic of Uzbekistan. Adolat. (2013))

[3] Рустамбаев М.Х. *Курс уголовного права Республики Узбекистан. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении*. Издательство Ташкентского государственного юридического института. (2009).

(Rustambayev M.Kh. Course of Criminal Law of the Republic of Uzbekistan. General Part. Volume 1: The Doctrine of Crime. Publishing House of the Tashkent State Institute of Law. (2009))

[4] Мухитдинов Ф. Уголовное правосудие в Республике Узбекистан: состояние и пути развития. *Общество и инновации, 3*(3), 57–81. doi:10.47689/2181-1415-vol3-iss3-pp57-81. (2022).

(Mukhitdinov F. Criminal Justice in the Republic of Uzbekistan: Current State and Development Prospects. Society and Innovations, 3(3), 57–81. doi:10.47689/2181-1415-vol3-iss3-pp57-81. (2022))

[5] Дадаханова Д. Виды наказаний, связанных с принудительным трудом лиц, совершивших преступления в Республике Узбекистан, и их особенности. *Общество и инновации, 5*(2), 116–126. doi:10.47689/2181-1415-vol5-iss2-pp116-126. (2024).

(Dadakhanova D. Types of Punishments Involving Compulsory Labor for Persons Who Have Committed Crimes in the Republic of Uzbekistan and Their Specific Features. Society and Innovations, 5(2), 116–126. doi:10.47689/2181-1415-vol5-iss2-pp116-126. (2024))

[6] Кругликов Л.Л. *Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве: Вопросы теории*. Воронеж. (1985).

(Kruglikov L.L. Mitigating and Aggravating Circumstances in Criminal Law: Theoretical Issues. Voronezh. (1985))

[7] Непомнящая Т.В. *Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы*. Юридический центр Пресс. (2006).

(Nepomnyashchaya T.V. Imposition of Criminal Punishment: Theory, Practice, and Prospects. Legal Center Press. (2006))

[8] Воронин В.Н. *Индивидуализация наказания: монография*. Проспект. (2017).

(Voronin V.N. Individualization of Punishment: Monograph. Prospekt. (2017))

[9] Грачёва Ю.В. *Судейское усмотрение в уголовном праве* [Автореферат диссертации кандидата юридических наук]. Москва. (2002).

(Gracheva Yu.V. Judicial Discretion in Criminal Law [Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences]. Moscow. (2002))

[10] Foote D. H. The benevolent paternalism of Japanese criminal justice. *California Law Review, 80*(2), 317–390. doi:10.15779/Z38GQ7Q. (1992).

[11] Johnson D. T. *The Japanese way of justice: Prosecuting crime in Japan*. Oxford University Press. (2002).

[12] A. von Hirsch, & Ashworth, A. *Proportionate sentencing: Exploring the principles*. Oxford University Press. (2005).

[13] McNeill F. A desistance paradigm for offender management. *Criminology & Criminal Justice, 6*(1), 39–62. doi:10.1177/1748895806060666. (2006).

[14] Maruna S. *Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives*. American Psychological Association. (2001).

[15] Davis L. M., Bozick, R., Steele, J. L., Saunders, J., & Miles, J. N. V. *Evaluating the effectiveness of correctional education: A meta-analysis of programs that provide education to incarcerated adults*. RAND Corporation. (2013).

[16] Aebi M. F., Delgrande N., & Marguet Y. Have community sanctions and measures widened the net of the European criminal justice systems? *Punishment & Society, 17*(5), 575–597. doi:10.1177/1462474515615694. (2015).

[17] Уголовный кодекс Республики Узбекистан 01.04.1995 // Национальная база данных законодательства 27.03.2025 г. № 03/25/1051/0278

(Criminal Code of the Republic of Uzbekistan dated 01.04.1995 // National Database of Legislation, 27.03.2025, No. 03/25/1051/0278)

[18] Council of Europe. *Recommendation CM/Rec(2010)1 of the Committee of Ministers to member states on the Council of Europe Probation Rules*. Council of Europe. (2010).

[19] Farrington D. P., Loeber R. & Howell J. C. Young adult offenders: The need for more effective legislative options and justice processing. *Criminology & Public Policy, 11*(4), 729–750. doi:10.1111/j.1745-9133.2012.00842.x. (2012).

[20] Kawaide T. The basic principle and revision of the Juvenile Act. *UNAFEI Resource Material Series*, 102. (2016).

[21] McNeill F. Four forms of "offender" rehabilitation: Towards an interdisciplinary perspective. *Legal and Criminological Psychology, 17*(1), 18–36. doi:10.1111/j.2044-8333.2011.02039.x. (2012).

[22] Постановление пленума Верховного суда Республики Узбекистан «О практике назначения судами уголовного наказания» от 3 февраля 2006 г., № 1

(Supreme Court of the Republic of Uzbekistan. (2006). *Resolution of the Plenum "On the practice of imposing criminal punishment by courts" No. 1*)

[23] Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан «О судебном приговоре» от 23.05.2014 г. № 07

(Supreme Court of the Republic of Uzbekistan. (2014). *Resolution of the Plenum "On the court sentence" No. 07*)

[24] Tonry M. Determinants of penal policies. *Crime and Justice, 36*, 1–48. (2007).

[25] United Nations. *United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures (The Tokyo Rules)*. General Assembly Resolution 45/110. (1990).

[26] Watson, A. Probation and lowering the age of criminal majority in Japan. *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies, 18*(3). (2018).